

Профессора Московского университета. 1755–2004. Биографический словарь / Авт.-сост. А. Г. Рябухин и Г. В. Брянцева. М.: Изд-во Московского университета, 2005. В 2-х томах (813 с. + 765 с.).

К 250-летию старейшего университета России – Московского – в числе нескольких обширных историко-научных изданий, посвященных этому учебному заведению, увидел свет и давно ожидавшийся двухтомный биографический словарь «Профессора Московского университета. 1755– 2004».

Московский университет остается сегодня, несмотря на испытываемые ныне российской высшей школой трудности, не только лучшим университетом России, но и едва ли не лучшим университетом мира. Печальным свидетельством тому является колоссальный отток выпускников университета в течение последних лет за границу, где они с успехом получают места в зарубежных научных центрах.

Прекрасные слова предпослал «Биографическому словарю» Ректор Московского университета академик Виктор Антонович Садовничий: «Два тома книги “Профессора Московского университета. 1755–2004”, подготовленные к 250-летию юбилею университета, представляют собой издание, уникальное по своей значимости для понимания и дальнейшего изучения истории образования, науки, культуры и общественно-политической жизни России... В России не было и нет другого, в широком смысле слова, общекультурного центра, кроме Московского университета, где бы на протяжении столь долгого исторического отрезка времени была скон-

центрирована такая мощная интеллектуальная сила... Изданием настоящей книги в историю Московского университета и России возвращены сотни имен людей, которые верно и с полной отдачей всех жизненных сил служили СЛАВЕ и ЧЕСТИ нашего ОТЕЧЕСТВА» (т. 1, с. 5, 7).

Этот словарь имеет длинную предысторию. Впервые аналогичное издание было подготовлено к столетию университета в 1855 г. под руководством профессора С. П. Шевырева, который опубликовал тогда же и обстоятельный очерк его деятельности за истекший век ¹. Попытки продолжить эту работу предпринимались впоследствии неоднократно. Хорошим поводом для этого был 150-летний юбилей Московского университета, однако он пришелся на сложные в истории России и российской высшей школы годы, что повлекло отмену намечавшихся специально созданной комиссией (под руководством академика В. А. Ключевского) юбилейных мероприятий.

В 1920-х и начале 1930-х гг. Академия наук СССР предприняла колос-

¹ Шевырев С. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день Столетнего Юбилея января 12-го 1855 года. М.: Унив. типогр., 1855; Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетию его юбилею 1755–1855. М.: Унив. типогр., 1855 (Репринт: М.: МГУ, 1998).

сальную работу по сбору сведений обо всех научных работниках СССР, включая и профессуру. Она велась в рамках проекта по созданию полного и систематически обновляемого справочника «Наука и научные работники СССР». Ее промежуточным итогом стал выход в 1928–1934 гг. достаточно полного трехтомного справочника о научных работниках страны, который содержал краткие сведения обо всех ученых с указанием места их работы, области научных интересов, адресов, дат и мест рождения. Параллельно собиралась биобиблиография ученых СССР.

Однако в середине 1930-х гг. эта работа Академии наук «директивными» органами была признана неуместной. Вышедшие тома справочника были изъяты из обращения, а в больших библиотеках переведены в «спецхран». По-видимому, эти справочники содержали сведения о чересчур большом и постоянно растущем числе репрессированных ученых. К сожалению, большинство составителей нынешних многочисленных биографических словарей не знают об упомянутых трех томах, экземпляры которых, сохранившиеся в крупных библиотеках, возвращены в свободный доступ.

Безуспешные попытки возобновить работу по подготовке обстоятельного университетского биографического словаря предпринимались МГУ в 1944–1945 и 1979 гг. Однако реальная работа по созданию «Биографического словаря» профессоров Московского университета началась лишь после принятия ректоратом в 1993 г. широкого плана мероприятий по подготовке к празднованию 250-летия университета.

Сначала были подготовлены семь больших справочников, посвященных различным группам профессоров и преподавателей университета, которые вышли в свет в 1996–1997 и

2004 гг.² Наконец, в 2004 г. появилась трехтомная «Летопись Московского университета», впервые всесторонне охватившая всю историю университета за 250 лет его существования и основанная на использовании его громадных архивных фондов (хранящихся как в самом университете, так и в московских архивах) и многочисленных публикаций разных лет³.

В основу подготовки рецензируемого «Биографического словаря профессоров Московского университета. 1755–2004» были положены, как сказано в предисловии, «архивы экспертно-аналитической службы Московского университета, руководимой профессором В. И. Ильченко»⁴, а также упомянутые выше и другие справочные издания университета, включая трехтомную «Летопись». Вызывает удивление, что составители не обратились к собственно университетским архивам, кото-

² Биографические словари «Почетные члены, доктора и профессора Московского университета. 1804–1994» (1996), «Лауреаты Ломоносовских премий Московского университета. 1944–1994» (1996), «Ректоры Московского университета. 1755–1992» (1996), «Заслуженные профессора Московского университета. 1993–1994» (1996), «Ученый совет Московского университета» (1995 и 1996), «Профессора и доктора наук Московского университета 1997» (1997), «Ученые Московского университета – действительные члены и члены-корреспонденты Российской академии наук. 1755–2004» (2004).

³ Изданная в 1979 г. «Летопись Московского университета. 1755–1979» была составлена в духе политических установок того времени, исключавших объективное освещение всех сторон деятельности университета. Кроме того, составители той «Летописи» не вполне справились с поставленной перед ними задачей и допустили в ней отдельные грубые ошибки. Некоторые ошибки и недочеты имеются, впрочем, и в нынешней «Летописи».

⁴ Рецензенту не известны ни характер, ни объем этих архивов.

рые были широко использованы при составлении «Летописи Московского университета»⁵, и многочисленным общедоступным справочникам по Москве и различным биографическим словарям; успешно издаваемым в последние годы.

Складывается впечатление, что составители и редакторы⁶ «Биографического словаря» ограничили свою задачу лишь сбором и некритическим воспроизведением уже опубликованных университетом материалов. Однако такие справочники публикуются нечасто и служат десятилетиями. Поэтому трудно признать разумным принятое решение не использовать при подготовке «Словаря» ни архивные, ни опубликованные в других работах материалы. Мне не хотелось бы думать, что такой подход был сознательно санкционирован редакционным советом издания, состоящим под председательством Ректора университета.

Так или иначе, но «Биографический словарь» (именуемый ниже для краткости просто «Словарем») содержит самостоятельные статьи-справки о почти 4000 (более 3940) профессоров университета. В них, как сказано в «Предисловии» составителей, отражена, по возможности, следующая информация:

1) фамилия, имя и отчество профессора, дата и место рождения (и смер-

ти⁷), специальность, данные об окончании высших учебных заведений;

2) ученые степени и год защиты диссертаций (или утверждения в степени?);

3) сведения о деятельности профессора в Московском университете (включая должности, награды, читаемые курсы и т. п.);

4) членство в различных академиях, почетные степени и звания, участие в работе редакций журналов;

5) награды, чины;

6) область научных интересов профессора с кратким изложением его вклада в науку;

7) темы защищенных диссертаций;

8) количество подготовленных профессором кандидатов и докторов наук, число опубликованных им работ.

Далеко не все справки, однако, включают все 8 перечисленных разделов; кроме того, они очень разнятся по объему, который колеблется от 2 до 80 (!) строк (при среднем объеме 20 строк)⁸.

Согласно «Предисловию» составителей, годы занятия профессорской должности указываются в скобках, при этом, в случаях, когда профессор продолжает занимать свою должность, «приводится одна дата». Однако у многих профессоров, работавших в университете не до своей кончины, приведена только одна дата: указания типа (1911–?), (1939–?) встречаются сравнительно редко.

Области научных интересов профессоров освещены до крайности неоднородно. Там, где они указаны (а указаны они не всюду), формулировка их варьируется от одного слова (на-

⁵ Любопытно, что составители не воспользовались даже некоторыми данными об университетских деканах, опубликованными в «Летописи». Так, им остались неизвестны указанные в «Летописи» год кончины Н. А. Митропольского (1847–1918) и точная дата кончины В. К. Сережникова (1873–1944).

⁶ По непонятной причине редакторы «Биографического словаря» в книге не указаны. Вероятно, ближе всех из состава редакционного совета серии «Архив Московского университета» к изданию книги стоял профессор В. И. Ильченко.

⁷ При датах кончины иногда указываются и кладбища, на которых захоронены профессоры.

⁸ Двухстрочные справки достались, по крайней мере, многим десяткам профессоров университета.

пример, С. А. Дридзе-Лозовский: политология, И. Ф. Копыл: ботаника ⁹, А. Г. Курош: алгебра) или одной строки (во многих десятках случаев) до 49 (!) строк. По-видимому, составители бездумно вносили в «Словарь» все, что им попадалось под руку, не вникая (может быть, по недостатку квалификации) в суть дела.

Я выборочно «пробежался» только по формальным сведениям о профессорах. Прежде всего, замечу, что сведения о датах и местах рождения профессоров – выпускников Московского университета (а таковых очень много) неполны, хотя их можно было легко извлечь из хранящихся в архивах студенческих дел. Так, в числе первых 500 профессоров (буквы «А» и «Б») я обнаружил около 50 выпускников Московского университета с неполными сведениями о рождении (10% от общего числа профессоров!). Неполные формальные данные встречаются иногда и у профессоров, ныне продолжающих работу в МГУ: для получения этой информации достаточно было не полениться поднять телефонную трубку.

Отмечу здесь лишь немногие из поразивших меня фактов. Известный историк марксизма академик Д. Б. Рязанов (1870–1938) удостоился в «Словаре» двух строк с тремя вопросительными знаками под именем *Розанова*. Блестящий журналист, этнограф и историк Н. И. Надеждин (05.10.1804– 11.01.1856), которому, например, в «Русском биографическом словаре» А. А. Половцева посвящено более 14 страниц, остался в справочнике даже без года кончины. Без года кончины приведены сведения и о протоиерее Николае Ивановиче Боголюбском (1856–1926) – пос-

леднем настоятеле университетского храма мц. Татианы перед его закрытием в 1918 г. (статью о нем с портретом можно найти в т. 5 новой «Православной энциклопедии»). То же относится и к основателю и первому заведующему кафедрой радиофизики физфака МГУ С. Д. Гвоздоверу ¹⁰ (1907– 1969), сведения о нем можно найти на факультетском сайте в Интернете. Отсутствуют годы жизни профессора Аполлона Андреевича Юдина (1872– 1927), который к тому же назван Анатолием Андреевичем. Нет точных дат жизни у А. А. Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945), памяти которой университет посвятил в 1947 г. даже отдельную брошюру. Удивительно, что составители не позаимствовали точных дат жизни таких известных лиц, как профессора Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855) и Николая Александровича Семашко (1874–1949), хотя бы из «Большой советской энциклопедии». Некоторые недостающие даты можно было извлечь и из трехтомного «Персонального состава» РАН (1999). Вовсе отсутствует в «Словаре» основатель современной физико-химической гидродинамики, долго заведовавший одноименной кафедрой в МГУ, член-корреспондент АН СССР В. Г. Левич (17.03.1917–19.01.1987), покинувший СССР при скандальных обстоятельствах в 1978 г. Нет в «Словаре» ныне здравствующего профессора Ю. А. Архангельского (род. 27.04.1929), проработавшего в этой должности на кафедре теоретической механики МГУ свыше четверти века. Нет и декана историко-филологического факультета (1919) профессора Г. В. Сергиевского, упоминаемого в «Летописи Московского университета».

⁹ На самом деле специальность профессора И. Ф. Копыла не ботаника, а агрономия.

¹⁰ В «Словаре» у него ошибочно указан и год рождения (якобы 1900).

Девятистрочная справка в «Словаре» об историке и филологе Р. Ф. Тимковском (1785–1820), попавшем и в энциклопедию Брокгауза и Ефрона, повторена в «Словаре» далее в несколько уточненном и увеличенном по объему виде под именем несуществующего *Терновского*. Статистик Н. А. Свавицкий (род. 1879), удостоенный в «Словаре» четырехстрочной справки, фигурирует одновременно с двухстрочной справкой и тремя вопросительными знаками под фамилией *Савицкого*. У доктора медицины Алексея Васильевича Григорьева (1860–1916) не указан даже второй инициал. Иоасаф Чистяков назван Иосифом. А наши современники профессора Гертруда Викторовна Бадеева и Зиновий Яковлевич Белецкий остались вовсе без имен и отчеств. Зато в именном указателе фигурирует некая М. Б. Михайловская, справка о которой в «Словаре», однако, отсутствует¹¹.

Досадны встречающиеся в тексте (и повторенные, с соответствующим алфавитным смещением, в именном указателе) искажения фамилий ряда ученых, например академика Г. С. Ландсберга (1890–1957) и ботаника А. Н. Строганова (род. 1871). Не связанные с искажением фамилий нарушения алфавита встречаются и в некоторых других местах словаря и именного указателя (например, местоположение справки о ректоре А. С. Бутягине).

В XVIII и XIX вв. в Московском университете было много немцев. Однако немецкие написания их имен даются в «Словаре» лишь от случая к случаю. Аналогично случайным образом у ряда профессоров указаны принудительно восстановленные в 1950-е

гг. полные еврейские имена. Правописание известных русских фамилий непоследовательно (например, Чебышев и Чебышёв).

У некоторых ученых дооктябрьских времен указаны полученные ими чины и царские ордена, иногда довольно подробно (до трехстрочных их списков), но появление этих сведений в «Словаре» носит совершенно случайный характер. Как правило, эти данные отсутствуют, часто даны неточные сведения (не высшие из полученных чинов и орденов), хотя при желании все это можно было без труда извлечь из регулярно печатавшихся до 1917 г. «Списков гражданским чинам». По меньшей мере странно видеть в «Словаре», что министр народного просвещения России имел чин статского советника, каковой не соответствовал рангу царского министра (на самом деле он был тайным советником). Тайных советников среди профессоров университета было не так уж много. Можно было бы упомянуть этот чин хотя бы у академика Ф. А. Бредихина и ректора университета П. А. Некрасова (упомянутого в «Словаре» с более низким чином).

Я взглянул на официально опубликованный список профессоров Московского университета начала 1917 г. Их было тогда 98 человек. Большинство из них – статские советники или действительные статские советники, лишь двое были в то время тайными советниками (В. И. Герье и А. Н. Филиппов) и трое коллежскими советниками. Все они имели ордена, в большинстве – Св. Владимира IV степени (33) и Св. Станислава I степени (26). Более высокие и более низкие ордена имели лишь пять профессоров (29 имели промежуточные по положению ордена). Однако в «Словаре» чины указаны лишь у 23 из 98 профессоров

¹¹ По-видимому, сведений о ней не удалось найти ввиду неправильности указанных в «Словаре» инициалов.

(16 действительных статских советников и 7 статских советников). Еще хуже обстоит дело с упоминанием орденов: они указаны только у Д. Н. Анучина, Н. Е. Жуковского, И. Х. Озерова, И. С. Плотникова и В. В. Челинцева, причем у Анучина, Жуковского и Озерова указаны не высшие полученные ими ордена, а у Плотникова упомянута, напротив, даже медаль «В память 300-летия дома Романовых», которую имели практически все профессора, находившиеся на службе к 1913 г. Обидно к тому же, что у Н. Е. Жуковского, награжденного в 1914 г. сравнительно высоким орденом Св. Анны I степени, указаны только два ордена, занимающие четвертое и шестое по значению места после вышеупомянутого ордена Св. Анны. Единственный из профессоров, числившихся в Московском университете в начале 1917 г., который не упомянут в «Словаре» вовсе, — доктор медицины Николай Александрович Струев (профессор с 1913 г.).

Сведения о профессорах Московского университета, начиная с конца 1860-х гг., можно найти в ежегодно издававшихся «Списках лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения» (особенно подробных в начале XX в.). Мне представляется недопустимым, что составители не использовали этот источник.

Что касается информации об орденах и наградах профессоров советского и постсоветского периодов, то она отражена в биографических справках бессистемно. Перечисленные орденов и медалей варьируется от «награжден рядом правительственных наград» до многострочных перечней, включающих даже юбилейные медали (например, посвященные 800- и 850-летию Москвы или 100-летию со дня рождения

В. И. Ленина) и медаль «Ветеран труда»¹². У профессоров советского периода, имеющих царские ордена, таковые в подавляющем большинстве случаев не указаны. Мне попало указание одновременно на царские и советские ордена только у профессора Н. Н. Зубова.

Я потратил около двух дней на выборочный просмотр формальных данных (даты и места рождения и смерти) о профессорах университета, пользуясь преимущественно только личной библиотекой. Я внес в свой экземпляр «Словаря» несколько сотен (!) дополнений и исправлений. Так, например, я заметил свыше полутора сотен отсутствующих дат рождения и смерти включенных в «Словарь» профессоров, из которых я сразу же восстановил около пятидесяти.

Составители не затруднили себя просмотром справочников из серии «Наука и научные работники СССР». Выпуски этой серии, посвященные научным работникам Москвы, вышли в 1925 и 1930 гг. Если объем первого справочника сравнительно невелик (135 с.)¹³, то второго — весьма внушителен (630 с.). В нем приводятся, как правило, даты и места рождения ученых. Ряд сведений о годах жизни москвичей XVIII–XIX вв. можно было почерпнуть в обстоятельном трехтомном «Московском некрополе», изданном в 1907–1908 гг. по инициативе великого князя Николая Ми-

¹² Нередки случаи, когда все награды профессора сводятся в «Словаре» только к одной юбилейной медали или медали «Ветеран труда», что вызывает сомнение.

¹³ Профессорский корпус Московского университета увеличился после 1917 г. по разным причинам сразу же практически втрое. В справочнике 1925 г. я обнаружил имена около 280 лиц, помеченных как профессора университета (только 1 МГУ), причем около 100 (!) из них не упоминаются в «Словаре».

хайловича¹⁴. Наконец, многочисленные отсутствующие в «Словаре» сведения о профессорах Московского университета XVIII–XX вв. можно найти в двух книгах В. А. Волкова и М. В. Куликовой «Московские профессора XVIII–XX веков: естественные и технические науки (М.: Янус, 2003) и «Российская профессура: XVIII – начало XX вв.: Биологические и медико-биологические науки / Биографический словарь» (СПб.: РХГИ, 2003), обстоятельно подготовленных в Институте истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

В статьях, посвященных многим преимущественно современным профессорам, указаны темы защищенных ими диссертаций. Эту информацию можно было значительно (если не исчерпывающим образом) пополнить, потратив время лишь на обращение к каталогам хотя бы Российской государственной библиотеки.

Замечу, что многие профессора Московского университета были необоснованно репрессированы, главным образом в 1920-е и 1930-е гг., подвергнуты арестам и ссылкам, а свыше 20 – расстреляны. Составители не сочли нужным включить эту информацию в «Словарь», что остается на их совести. Впрочем, случайные упоминания о высылке некоторых профессоров за границу в начале 1920-х гг. в «Словаре» встречаются.

На содержательной части, касающейся научной деятельности профессоров, я не останавливаюсь вовсе. Достаточно приведенного выше примера с выдающимся алгебраистом

А. Г. Курошем («алгебра») и 49-строчной справки у одного из ныне здравствующих академиков¹⁵.

Специально останавлиюсь на редакционной подготовке «Словаря». При издании серьезных и солидных справочников типа энциклопедий, к которым хотелось бы отнести и рецензируемое издание, принято предвзято разрабатывать строгую систему подачи материала, используемой терминологии, сокращений, знаков препинания и др. К сожалению, уровень редакционной подготовки «Словаря» находится ниже всякой критики.

Для периода до 1918 г. даты жизни профессоров приводятся по «старому» юлианскому календарю, но кое-где встречаются по ошибке и даты по «новому» стилю. Места рождения и смерти отделяются от соответствующих дат запятой. Более мелкие населенные пункты снабжаются указанием на принадлежность к тому или иному административно-территориальному образованию (уезд, губерния, область, союзная или автономная республика и т. п.), причем эти названия присоединяются чаще в родительном падеже, иногда через запятую, а порой и вовсе с предлогом «в». Небольшие зарубежные города (а иногда и такие, как Берлин, Каир, Прага, Флоренция и Цюрих¹⁶) снабжаются (как правило, через точку с запятой) названием государственной принадлежности¹⁷.

¹⁵ Сознательно не указываю фамилию этого академика, так как не его вина в том, что составители не справились с разумным сокращением имеющегося у них материала.

¹⁶ Напротив, например, Кефалония указана без государственной принадлежности.

¹⁷ Остается неясным, что понимают составители под «Германией» в XVIII в., в то время как в «Словаре» упоминаются также Пруссия, Саксония и другие германские государства того времени.

¹⁴ В «Московском некрополе» 1907–1908 гг. и в ряде изданных в последнее десятилетие московских кладбищенских некрополей можно найти также указания на места захоронения некоторых профессоров, приводимые в «Словаре» лишь от случая к случаю.

Названия мест рождения и смерти даются в «Словаре» обычно в той форме, в какой они употреблялись в соответствующий период времени. Например, Санкт-Петербург так называется обычно в связи с датами до 1914 г. и после 1991 г., в период с 1914 до 1924 гг. – это Петроград, а с 1924 по 1991 гг. – Ленинград. Самара в 1935–1991 гг. часто называется Куйбышевым, Волгоград в 1925–1961 гг. иногда – Сталинградом, а до 1925 – даже Царицыным (впрочем, Волгоградская область фигурирует неоднократно, начиная, по крайней мере, с 1899 г.). Абсолютно случайно употребляются наименования города Тифлис / Тбилиси до 1936 г. и других городов, названия которых менялись в советский период.¹⁸ В равной степени безуспешно составители старались, по-видимому, использовать терминологию административно-территориального деления страны, действовавшего в затрагиваемое время.

Однако перед сдачей «Словаря» в печать составители не удосужились пробежаться по названиям населенных пунктов с целью унификации их подачи. Для этого не требовалось особых изысканий, а была нужна только ответственность и аккуратность.

Петербург и Санкт-Петербург встречаются в «Словаре» почти с одинаковой частотой. Украинская ССР именуется иногда именно так, иногда Украиной, а иногда отделяет-

ся от названия населенного пункта точкой с запятой, которая употребляется в «Словаре» (по не реализованному последовательно замыслу) для иностранных городов; напротив, в единственном замеченном случае, когда город относится к независимой Украине (1998), Украина не упомянута вовсе. То же относится и к остальным бывшим союзным республикам СССР, которые то упоминаются как союзные республики, то как неформализованные географические понятия (Азербайджан, Грузия, Карелия, Татария, Узбекистан и др.), а иногда и как самостоятельные государства (как в период дооктябрьский, так и в период советский). Особенно последовательно дается материал о городах губерний Царства Польского и прибалтийских губерний России. При желании на основании этой «географической каши» составителей и редакторов можно было бы обвинить в политической безграмотности.

Составителям следовало бы знать, что смена губернского деления началась в СССР лишь в 1923 г. В 1930 г. в стране имелось всего пять *областей*: Западная, Ленинградская, Московская, Уральская и Центрально-черноземная. Основное становление областей, близких к нынешним, произошло лишь в 1930-е гг. В «Словаре» же губернии иногда встречаются и в 1920-е гг., но в XX в. почти всюду (в том числе часто и в дооктябрьской России) фигурируют области.

Непоследовательность в терминологии касается не только географических названий. Так, например, Петербургская академия наук до 1917 г. именуется то «Петербургской АН», то «РАН» (?!). Названия некоторых премий указываются в разных формах, многие новые (далеко не всем известные) медали и премии иногда даются с указанием их учредителей, иногда без него.

¹⁸ Составителям, наверно, неизвестно, что Ашхабад до 1919 г. назывался Асхабад, а с 1919 г. до 1927 г. – Полторацк. Брест стал таковым лишь в 1939 г., а до 1921 г. назывался Брест-Литовск (в «Словаре» встречаются оба эти написания), Иваново-Вознесенск стал Ивановым в 1932 г., Царское Село в 1937 г. было переименовано в город Пушкин и мн. др. Между прочим, я с удивлением встретил наименование Нижний Новгород в сочетании с 1944 годом.

В заключение хочется повторить, что такие справочные издания издаются не часто и служат десятилетиями. Поэтому готовить их надо ответственно и тщательно. Очень жаль, что этот «Биографический словарь» не отвечает ни одному из разумных критериев. Почти полвека тому назад я написал рецензию (опубликованную в «Известиях Академии наук») на одну книгу, изданную, к сожалению, тоже Московским университетом, закончив ее словами: «если вообще может быть образец того, как не следует редакти-

ровать книгу, то таким образом может вполне служить» рецензируемая книга. Увы! Мне приходится повторить эти слова и в адрес «Биографического словаря профессоров Московского университета 1755–2004». Жаль, что составители и редакторы своей недоброкачественной работой бросили тень на замечательное начинание, дорогу в жизнь которому дал Ректор Московского университета академик В. А. Садовничий, так много сделавший для своей *Alma Mater*.

Г. К. Михайлов

Maeyama Y. Astronomy in Orient and Occident. Selected papers on its cultural and scientific history. Hildesheim; Zürich; N.Y.: Georg Olms Verlag, 2003. 562 P.

Имя профессора Ясукатсу Маэямы, работающего в Институте истории науки во Франкфурте-на-Майне, хорошо известно современным историкам астрономии. Его исследования, посвященные истории древней астрономии, а также европейской астрономии XVI–XVII вв., регулярно появляются в ведущих историко-научных журналах и тематических сборниках на английском и немецком языках на протяжении уже более 30 лет.

Книга избранных работ Маэямы «Астрономия на Востоке и Западе» включает всего 25 публикаций, которые распределены по пяти разделам: 1) Дальний Восток (древнекитайская астрономия); 2) древность (Вавилон и Греция); 3) Возрождение; 4) теория астрономии и 5) общая история астрономии. Содержание и структура сборника в полной мере отражают творческий путь и интересы автора.

В историю астрономии Маэяма пришел в середине 1960-х гг. и первые свои работы выполнил под руководством известных историков науки В. Хартнера (1905–1981) и М. Шрам-

ма (1928–2005). В 1971 г. он защитил диссертацию по истории планетных теорий XVII в., до сих пор, насколько нам известно, не опубликованную¹. Глубокий интерес к астрономии эпохи позднего Возрождения и Нового времени сохранился у него до сих пор, о чем свидетельствует содержание третьего раздела книги. Параллельно (уже в 1970-е гг.) Маэяма занялся историей древней астрономии, а также теоретическими вопросами, связанными с применением методов современной астрономии для решения историко-астрономических проблем. В каждой из указанных областей он получил фундаментальные результаты.

Кратко охарактеризуем содержание книги, подробнее останавливаясь на некоторых из работ Маэямы.

Первый раздел посвящен истории древнекитайской астрономии. Он включает статьи по истории самого древнего китайского звездного ката-

¹ Maeyama Y. Hypothesen zur Planetentheorie des 17. Jahrhunderts. Dissertation. Frankfurt am Main, 1971.